адресованных Франку. Письма, как и лекции, приводятся на немецком и русском языках.

Публикация «Материалов и исследований…» – значимый шаг в реконструкции и актуализации русской философской традиции. Она будет полезна не только специалистам по истории философии, но и исследователям, занимающимся проблемами социальной онтологии, теории познания и философии культуры.

Институт философии РАН

А.А. Гусева
uhlein@rambler.ru

Мартин Хайдеггер. *Преодоление метафизики и сущность нигилизма*. Перевод с немецкого А.В. Перцева и О.А. Матвейчева. СПб.: Алетейя, 2024. – 222 с. ISBN 978-5-00165-799-6.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-205-213 УДК 1(091)

> И вот теперь она [логоцентрическая метафизика], кажется, начинает *выдыхаться*, и примером тому – смерть книжной цивилизации, о которой ныне столько говорят и которая проявляется прежде всего в судорожном разбухании библиотек[1].

Каждый новый выходящий из печати русский перевод томов собрания сочинений Мартина Хайдеггера – это событие для российского философского сообщества. К сожалению, не всегда событие радостное. Изначальный мой замысел состоял в том, чтобы в рецензии уделить место и переводу, и переводимым текстам из 67-го тома собрания сочинений, но сразу могу признаться, что «пробиться» через перевод к тексту и к мысли

[1] Жак Деррида, *О грамматологии* (М.: Ad Marginem, 2000), 122.

© Фалёв Е.В., 2025

Хайдеггера мне не удалось, поэтому здесь придется ограничиться оценкой перевода.

Первое же разочарование – отсутствие в издании раздела «Предисловие (комментарии, послесловия) переводчика». Перевод Хайдеггера на любой язык – задача настолько нетривиальная и творческая, что у переводчика просто не может не накопиться множество различных соображений, которыми он захочет поделиться с читателем. Да и читатель таких переводов тоже будет нуждаться в пояснениях переводчика и разъяснениях трактовки им тех или иных неоднозначных немецких слов и выражений. Потому «хорошим тоном» в переводах Хайдеггера (не только на русский язык) стали разделы с комментариями переводчика. Здесь же переводчики оставляют читателя один на один с текстом, заставляя над каждой фразой ломать голову, что же там было в немецком оригинале, что можно было так неуклюже перевести? Даже элементарного указания в скобках переводимого немецкого термина переводчики читателям не предлагают.

Кажется, и само издательство должно быть заинтересовано в том, чтобы русский текст не вызывал отторжения – для этого он должен быть как минимум удобочитаемым. Хайдеггер вводит в немецком языке многие «неологизмы», или, как называют их некоторые, «хайдеггеризмы» – но они в немецком почти всегда получаются довольно прозрачными указателями, откуда и куда философ хочет направить мысль читателя. В русских переводах перегрузка текста тяжеловесными конструкциями неологизмов делает текст неудобочитаемым, что прекрасно понимали многие переводчики, переводя ряд хайдеггеризмов обычными русскими словами там, где это не искажает смысл. Здесь же переводчики в этом смысле немилосердны к читателю, разрывая ткань текста самыми тяжелыми и несуразными неологизмами. Как один из ярких примеров – перевод довольно важного и частого в текстах позднего Хайдеггера термина Ermöglichung. Это вообще нельзя назвать неологизмом, так как в немецком языке есть слово ermöglichen, которое означает «делать возможным (что-либо), содействовать (чему-либо)», соответственно. Ermöglichung – «делание возможным», «содействие». Переводчики почему-то видят в этом слове «хайдеггеризм»,

который нельзя перевести никак иначе, кроме как «вывозможествливание» (с. 30). Правда, эту конструкцию сами переводчики не могли надолго удержать в сознании, поэтому уже на следующей странице перевода Ermöglichunsfrage переводится как «вопрос о вы-возможливании» (с. 31). Э. Сагетдинов при переводе 65-го тома Gesamtausgabe переводит Ermöglichung просто как «осуществление» – пусть это терминологически не точно, но верно и, главное, в доступной для русского читателя форме передает мысль Хайдеггера[2].

Простой в немецком термин Abgrund – простой не по смыслу, а по конструкции и звучанию – переводится здесь как «бездно-основное». И в этом случае также несравнимо лучше перевод Э. Сагетдиновым термина Abgrund просто как «бездна»[3]. Entzug – трудно переводимый термин, который Хайдеггер в своих разъяснениях буквально выворачивает наизнанку, но, если переводчик не может выбрать между двумя вариантами перевода, не стоит приводить оба, через дефис («отказ-отречение»). Перевод этого как «лишение» у Сагетдинова вполне отражает смысл немецкого слова[4].

Переводчики вообще злоупотребляют расстановкой дефисов даже там, где в немецком тексте никаких дефисов нет. Это теоретически может иметь смысл, если нужно подчеркнуть в русском языке корневое значение слова, при условии, что в русском языке это значение не так очевидно, как в немецком. Но тогда и в переводе нужно стараться переводить и сам корень слова (как в случае с «со-бытием»). Какой смысл выделять в русском языке корень слова, если он имеет совершенно иное

---

[2] «В философии сущностное, после того как оно, почти потаенным образом, совершило толчок, должно отступить обратно в недоступное (для многих), потому что это сущностное невозможно опередить, и поэтому оно ускользает в осуществление начала [Ermöglichung des Anfangs]» (Мартин Хайдеггер, *К философии (О событии),* пер. Э. Сагетдинова (М.: Издательство Ин-та Гайдара, 2020), 37).

[3] «Прыжок в бытіе. Прыжок перепрыгивает бездну раскола (Abgrund der Zerklüftung) […]» (Хайдеггер, *К философии*, 28).

[4] Хайдеггер, *К философии*, 115.

значение, чем в немецком (например, «про-изводство» для перевода немецкого Her-stellung)?

Новые смыслы, которые Хайдеггер привносит в немецком своими неологизмами, нужно пояснять в комментариях переводчика один раз на всю книгу. Возьмем как пример немецкое архаичное Seyn, которое Хайдеггер использует, чтобы отличить «бытие» в своем специфическом толковании в поздних текстах от Sein – расхожего «бытия», а также «бытия» метафизики и своих собственных работ периода «Бытия и времени». Уж как только его не переводили, и «бытье» (К. Михальский и Е. Твердислова)[5], и «бытіе» (Э. Сагетдинов)[6], но если мы хотим сделать не только тексты, но и мысли Хайдеггера для русского читателя доступными, достаточно один раз оговорить в примечании, что немецкое *Sein* в переводе будет обозначаться как *бытие* со строчной буквы, а *Seyn* – как *Бытие* с прописной. Хайдеггер, в отличие от Деррида, «фоноцентрист», для него звучание слова первично по отношению к написанию, а в немецком Sein и Seyn звучат одинаково, так и в русском «бытие» и «Бытие» (и «бытіе») звучат одинаково, а отличие по смыслу вполне ясно при чтении для каждого, кто способен хотя бы пытаться читать и понимать Хайдеггера. Перевод Seyn как «прабытие» не просто неточен, он неверен. Русскому слову «прабытие» у Хайдеггера соответствует вполне обычный для немецкого философского языка термин Ursein, который, хоть и не является для философа основным, встречается в его работах нередко[7].

Что касается перевода Dasein, на эту тему сломано столько копий, и к единому мнению, видимо, невозможно прийти, но переводчик и здесь ухитрился предложить самый проблемный

---

[5] Кшиштоф Михальский, *Логика и время. Хайдеггер и современная философия* (М.: Территория будущего, 2010).

[6] Хайдеггер, *К философии*, passim.

[7] «Das Selbe nennt und meint Schopenhauer, wenn er die Welt als Wille und Vorstellung denkt; das Selbe denkt Nietzsche, wenn er das Ursein des Seienden als Wille zur Macht bestimmt» (Martin Heidegger, *Gesamtausgabe*, Bd. 8, *Was heißt Denken* (Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2002), 95).

вариант, хуже, чем любой из существующих[8]. В этом переводе Da-sein переводится как «вот-тут-бытие», как бы подчеркивая ситуативную пространственность человеческого способа бытия. Но сам Хайдеггер возражал против толкования Da в Da-sein в пространственном смысле[9], так зачем же в русском переводе подчеркивать это значение, которое, правда, есть и в немецком слове, но которое сам Хайдеггер исключал из спектра толкований этого центрального термина своей философии?

Еще один пример «трудностей перевода» – хайдеггеровское выражение Seiendheit des Seienden. В отношении Seiende, казалось бы, уже сложилась традиция перевода этого термина как «сущее», при добавлении необходимых пояснений об этимологическом родстве в немецком языке слов Seiende и Sein, «бытие». Здесь же авторы решают предложить новый вариант перевода, даже два через дефис: «суще-бытующее». Зато теперь им не нужно ломать голову над переводом Seiendheit, которое Сагетдинов с явным внутренним напряжением переводит как «сущесть». Здесь же это просто «сущебытность». Полученная в итоге «сущебытность суще-бытующего» (с. 125) вряд ли сможет пробудить даже у опытного читателя какие-то глубокие мысли и ассоциации, разве что заставит задуматься о бездонной тщетности бытия вообще и перевода в частности.

---

[8] Напомним некоторые из них: присутствие, вот-бытие, здесь-бытие, тут-бытие, или же просто Dasein без перевода.

[9] «"Da-sein" – ключевое слово в моей работе, и оно стало жертвой серьезных искажений. "Da-sein" на самом деле не означает для меня "я здесь", но, если я могу выразиться на, скорее всего, невозможном французском: *быть-там* (*être-le-là*) и *там-быть* (*le-là*) – это именно Алетейя, раскрытие – открытие» (Martin Heidegger, *Questions III et IV* (Paris: Gallimard, 1999), 130). Это разъясняется и в «Бытии и времени», § 28: «Der Ausdruck "Da" meint diese wesenhafte Erschlossenheit. Durch sie ist dieses Seiende (das Dasein) in eins mit dem Da-sein von Welt für es selbst "da"» (Martin Heidegger, *Sein und Zeit* (Tübingen: Max Niemeyer, 2001), 132). В переводе В.В. Бибихина: «Выражение "вот" имеет в виду эту сущностную разомкнутость. Через нее это сущее (присутствие) в одном целом с бытием-вот мира есть "вот" для самого себя» (Мартин Хайдеггер, *Бытие и время*, пер. В.В. Бибихина (М.: Ad Marginem, 1997)).

Далее приведем лишь один пример качества перевода – нельзя сказать, что это место определяет общий уровень перевода, но всё же оно показательно. В оригинале читаем:

> Das Seyn versetzt in Not, ernötigt, nicht erzwingt einen Wesenswandel des Menschen; zufolge diesem Wandel gründet sich erst die Nähe des Menschen zum Seyn als wesenhafte in die Fernung des inständlichen Gründens als Da-sein[10].

Not – это технический термин поздней хайдеггеровской философии, который означает «нужду», в которую попадает человек, «забрасываемый» Бытием в сущее, эта нужда связывается у Хайдеггера с «бедностью» (Armut) и «опустошением» (Verwüstung). Причем этот термин не является хайдеггеровским неологизмом, поэтому при переводе вполне можно было полагаться на обычные словари. Далее следует любимая хайдеггеровская игра корневых значений, слово ernötigt производно от корня Not и означает, как и русское слово от корня «нужда» – «вынуждать». Но Хайдеггер хочет исключить из этой игры возможную нагрузку смыслом насильственности, поэтому добавляет оговорку – nicht erzwingt, не заставляет, не принуждает силой. Неологизмами здесь являются два слова, Fernung и inständlich, тут уже для перевода нужно обратиться к другим текстам Хайдеггера, где эти термины вводятся, разъясняются и используются в разных контекстах. Fernung получено из слова Entfernung, «отчуждение», «отдаление», «дистанция», путем выделения корневого значения корня Fern, «даль». Перевод «отдаление», хоть и не отражает этот прием Хайдеггера, но, по крайней мере, позволяет следить за его мыслью. Можно было бы, как и в случае Sein и Seyn, отметить «хайдеггеризмы» написанием с прописной буквы и пояснить это один раз при первом упоминании термина или в предисловии/комментарии переводчика. Inständlich – неологизм, полученный Хайдеггером путем модификации слова inständich, означающего «настойчивый, настоятельный, убедительный (о просьбе)», соотв. Inständichkeit – настойчивость, настоятельность. Добавляя к корню

[10] Martin Heidegger, *Gesamtausgabe*, Bd. 67, *Metaphysik und Nihilismus* (Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1999), 22.

ständ букву l, Хайдеггер слегка модифицирует смысл, подчеркивая значение «стояния», а именно «стояния в просвете бытия», но в русском языке также перевод «настойчивость» является наименее искажающим замысел философа, как вполне верно рассудил Э. Сагетдинов в своем переводе 65-го тома Gesamtausgabe, «О событии»[11]. Но можно также использовать близкий к немецкому корню stand русский корень «стоять» и передать близко по смыслу словом «настоятельный (-ность)».

Итак, вот как можно было бы перевести, если с уважением относиться к мысли Хайдеггера:

> Бытие повергает в Нужду, понуждает, но без насилия, к некоему сущностному изменению человека; с этим изменением впервые основывается близость человека к Бытию, без которой было бы невозможно Отдаление настоятельного обоснования в качестве Da-sein.

Что же должен понять читатель из перевода этой фразы, который выглядит так:

> Пра-бытие вторгается в нужный момент, вынуждает, но не вынуждает человека к смене сущности; в силу этого к этой перемене побуждает только близость человека к пра-бытию – как существенная в отдалении своем содержательное обоснование, как вот-тут-бытие[12].

Здесь мы видим не только несоответствие перевода оригиналу, но и элементарные ошибки, которые, по-хорошему, должны были бы устранять редактор и корректор издательства. Но теперь издательства не могут себе позволить содержать в достаточном количестве редакторов и корректоров, зато могут себе позволить выпускать такие тексты, со всей очевидностью подтверждающие провозглашенную Деррида «смерть книги» и все те процессы, которые обычно происходят с телом после смерти.

---

[11] «Настроение (ср. лекции о Гёльдерлине) здесь подразумевается в (inständlichen) смысле настойчивости: как единство осуществления (Austrag) всякого у-влечения (Be-rückung) и наброска и внесения (Eintrag) всякого отодвигания (Entrückung) и *до-стояние* (Beständnis) и *осуществление истины бытия*» (Хайдеггер, *К философии*, 56).

[12] ПМиСН. С. 28.

Читатель, интересующийся Хайдеггером, но не владеющий немецким и/или не имеющий времени/возможности сверять каждую фразу с немецким текстом, какой вывод он сделает, попытавшись читать такой перевод? Что Хайдеггер либо писал всякую чушь, либо настолько сложен для понимания, что даже и пытаться не стоит. Да, Хайдеггер сложен для понимания, еще более сложен для перевода и для понимания в переводе, но ведь есть примеры переводов, которые подтверждают, что эта задача не является полностью невыполнимой. Перевод В.В. Бибихиным «Бытия и времени» не идеален, сложен для восприятия, но по сравнению с рецензируемым переводом это просто верх совершенства, так как через него, при должной настойчивости (и знании немецкого), можно пробиться к немецкому тексту. Этот же перевод не дает такой возможности. Переводы А.В. Михайлова[13], Е.В. Борисова[14], О. Коваль[15], Т. Васильевой[16], Э. Сагетдинова[17] сделаны с любовью и с уважением к работе мысли, проделанной Мартином Хайдеггером, и к русскому читателю. Особенно сложную задачу решал Э. Сагетдинов, переводя действительно «непереводимые» «бытийно-исторические» тома позднего периода творчества Хайдеггера, которые даже для немецкого читателя крайне трудны для восприятия. Все эти переводчики не просто переводили с немецкого на русский, показывая тем самым, что перевод, как бы он ни был труден и проблематичен, всё же возможен – они действительно участвовали в создании «русского Хайдеггера», как верно отметил Э. Сагетдинов в послесловии переводчика в переводе 65-го тома Gesamtausgabe[18]. К сожалению, этого нельзя сказать о рецензируемом переводе. Здесь все прежние усилия перевод-

---

[13] Мартин Хайдеггер, *Работы и размышления разных лет*, пер. А.В. Михайлова (М.: Гнозис, 1993).

[14] Мартин Хайдеггер, *Пролегомены к истории понятия времени*, пер. Е.В. Борисова (Томск: Водолей, 1998).

[15] Мартин Хайдеггер, *Положение об основании*, пер. О. Коваль (СПб.: Алетейя, 1999).

[16] Т.В. Васильева, *Семь встреч с Хайдеггером* (М.: УРСС, 2004).

[17] Мартин Хайдеггер, *Что зовется мышлением?* Пер. Э. Сагетдинова (М.: Территория будущего, 2006); Хайдеггер, *К философии*.

[18] Хайдеггер, *К философии*, 249.

чиков по созданию «русского Хайдеггера» проигнорированы, если не сказать – сознательно разрушены. Разрушение может быть оправдано и даже необходимо, если мысль оказывается скованной закостеневшими формами традиции, и если разрушение традиции сопровождается созданием нового начала и раскрытием новых горизонтов, как в случае самого Хайдеггера в отношении к традиции европейской метафизики. Но если разрушение производится ради самого разрушения, а то, что предлагается взамен, выглядит в лучшем случае гротеском, а в худшем – издевательством над читателем, то это уже проявление того нигилизма, который, по Хайдеггеру, стал итогом развития метафизики, а также признак разложения, следующего за давно уже свершившейся смертью книги. Многочисленные ошибки, несогласование падежей, пропущенные знаки препинания, опечатки, нарушения правил переноса лишь дополняют общую картину.

Перевод Хайдеггера на любой язык – это всегда риск, и я преклоняюсь перед теми, у кого хватает смелости брать на себя этот риск и огромный труд. Но риск означает и возможность провала, и здесь, к сожалению, перед нами именно такой случай. Польза этого перевода состоит лишь в том, что другие переводчики смогут использовать его как образец того, как не надо делать, чтобы в будущем делать всё совершенно по-другому. Также эта книга наводит на мысль о кризисе издательского дела в целом, о необходимости возрождать институт редакторов и корректоров, а для научных изданий – об обязательном участии научных редакторов и проведении рецензирования *до*, а не после издания книги.

МГУ имени М.В. Ломоносова **Е.В. Фалёв**
falev@philos.msu.ru